

Юрий Шичалин:

// Вычеркнуть
религию
из образования —
значит
сделать его
ущербным //

«Религии в школе не место!» «Образование — это про науку, а не про Бога». «Знания, которые получает школьник или студент, должны быть мировоззренчески нейтральными». Какой подвох кроется в этих популярных сегодня лозунгах? Какая идеология звучит в громких заявлениях «борцов со всякой идеологией»?

С этими вопросами «Фома» обратился к Юрию Шичалину, известному филологу-классику, доктору философских наук, директору Греко-латинского кабинета, при котором открыта Классическая гимназия.

Действительно образованный человек не должен шараться при слове «Церковь»

— Юрий Анатольевич, Ваша гимназия дает детям классическое образование. А в чем специфика именно этого образования? Почему его называют «классическим»?

— Латинское прилагательное *classicus* исходно означает «относящийся к высшему разряду, классу, к высшему социальному слою»; затем классическими назывались, в частности, образцовые, заслуживающие изучения и подражания авторы и тексты, которые используются при обучении детей в школе. Мы привыкли к этому второму пониманию: в самом деле, никого не смущает, например, такое устойчивое сочетание, как «русская классическая литература». Но первыми в истории европейской цивилизации авторами, которых стали считать заслуживающими подражания, были греки, им подражали римляне, а потом появились и латинские образцовые авторы, которых также читали в школах. Образцовых авторов изучали на языке оригинала и переводили на национальные языки. Поэтому сочетание «классическое образование» означало образование, построенное на образцах, то есть прежде всего на греках и римлянах.

Но у нас в XIX веке о классическом образовании речь шла в связи с классическими гимназиями, в которых помимо греческого и латыни, двух древних языков, преподавали два-три новых языка, сильную математику и естественные науки, а также Закон Божий. Таким образом, речь шла о полноценном общем образовании.

Общее образование не должно оставлять беспризорной ни одну из частей человеческой души: ни рациональную — за счет преподавания математики и естественных наук, ни социальную — за счет древних и новых языков, а также, разумеется, и литературы с историей, ни наше духовное начало — за счет Закона Божия, который читает православный священник.

— То есть получается, что Вы даете детям не светское образование?

— Я бы сразу отказался от этого термина. Смысл, который мы ненароком вкладываем в это слово сегодня, был привнесен в него теми атеистами, которые под светскостью подразумевают принципиальную отгороженность образования от всего церковного и религиозного в целом.

— Что же тогда изначально вкладывалось в это понятие?

— Ничего сверхъестественного. Так называемая светская школа не готовит духовенство. Как известно, и в дореволюционной России были, и сейчас у нас есть духовные школы, то есть духовные семинарии и академии, или, например, Свято-Тихоновский богословский институт, где по соответствующей программе обучаются будущие священники. До революции помимо духовных школ образование

давалось в технических, или реальных, школах, а также в классических гимназиях.

Реальные школы готовили учеников для поступления в политехникумы. А выпускники гимназий, как правило, поступали в университеты. Гимназия была настоящей общеобразовательной школой в ее нормальном, правильном виде. Именно так, как Вы видите, понимаем ее и мы. Не важно, куда именно после гимназии поступал выпускник — на филологический или математический факультет: он уже изначально, благодаря школе, неплохо знал как ньютоновскую механику, так и латынь, на которой, как известно, Ньютон написал свои «Математические начала натуральной философии».

Гимназия, в отличие от реальной школы, позволявшей получить специальное и ограниченное знание, должна была дать человеку широкий кругозор во всех областях знания. Поэтому ее и можно назвать подлинно *общеобразовательной*. И хотя гимназия — это светское учебное заведение в указанном смысле этого слова, однако в рамках гимназического курса Закона Божия преподавали и преподавали азы богословия, историю Церкви, элементы литургии. Почему? Опять-таки потому что без этого типа знания у человека просто не может быть того широкого кругозора, который должна ему дать общеобразовательная школа. Без религиозной составляющей целостной картины мира просто быть не может в принципе.

Примечательно то, что коммунисты это прекрасно понимали. И когда они поставили перед собой задачу сформировать нового человека с жестко заданным и весьма ограниченным кругозором, то первым делом начали гонения на Церковь, а параллельно с этим — отменили в стране классическое образование и закрыли гимназии.

— Однако многие сегодня ностальгируют по советскому образованию, говорят, что оно-то как раз и было самым лучшим. Может быть, опыт XX века в СССР показывает, что и без классического образования и без преподавания религиозных предметов можно добиться огромных успехов? Или это не так?

— Когда говорят о «хорошей советской школе» — а она была, — не всегда понимают, что имеют в виду сравнительно небольшой, но очень важный период, связанный с деятельностью Владимира Петровича Потемкина, выпускника тверской классической гимназии и историко-филологического факультета Московского университета. В 1940–1946 годах Потемкин был наркомом просвещения РСФСР. По указанию Сталина Потемкин стал проводить реформу школы, которая шла в значительной степени параллельно с интенсивным развитием военных учебных заведений и прочими преобразованиями в армии. Тогда в армию, в частности, была возвращена форма, схожая с прежней, царской, были введены погоны и жесткая иерархия. Точно так же многие установки дореволюционной школы, отмененные рево-

Фото Владимира Ештокина

люцией и деятельностью трудовых школ, были снова взяты на вооружение.

Были созданы новые программы, включавшие, в частности, зарубежную литературу, введены домашние задания и экзамены после окончания начальной, неполной средней и полной средней школы, появилась школьная форма, одно время на этой волне проводилось раздельное обучение мальчиков и девочек. В средней школу были также введены элементы классического образования: в ряде школ началось преподавание латыни: в таких школах успели поучиться наши замечательные филологи-классики Гаспаров и Аверинцев.

Но с хрущевских времен для развития такого рода школ в стране уже не было ни понимания, ни сил, так что сильной стороной нашего образования стали специальные, прежде всего математические и языковые, школы, — разумеется, без древних языков и Закона Божия. Рабфаковец Хрущев обещал тогдашнему поколению жизнь при коммунизме уже в 1980-е годы и грозился показать последнего попа. Это хорошее свидетельство духовного и интеллектуального кругозора тогдашнего партийного руководства.

Но в 1980–1990-е годы произошло, как известно, нечто совсем иное. Обращу Ваше внимание на то, что именно в это время — уже не из-за репрессий, а просто в силу возраста — уходили из жизни последние гимназисты. С этим обстоятельством для меня имеют прямую связь все метаморфозы этого времени. ➔

ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ШИЧАЛИН

Доктор философских наук, филолог-классик, переводчик, издатель. Работал секретарем у А. Ф. Лосева. Выступал с докладами в Сорбонне (Франция), Тринити-колледже (Ирландия), участвовал в конференциях в университетах Италии, Германии, Швейцарии, Англии; стажировался в *École normale supérieure*, как приглашенный профессор дважды читал лекции в Коллеж де Франс (Франция). В 1990 году открыл издательство и курсы древних языков под названием «Греко-латинский кабинет». В 1993 году учредил «Классическую гимназию при Греко-латинском кабинете» — одно из первых учебных заведений, в котором после советского периода была возрождена модель классического образования. Кроме того, благодаря трудам Юрия Анатолевича на русский язык были переведены многие классические тексты античности, в числе которых «Фиваида» Стация и трактаты Плотина.

Без понимания того, что такое религиозный мир, начинается дикость и варварство. Поэтому говорить о «мировоззренческой нейтральности» — значит лишь расписываться в своем стремлении сознательно дать детям заведомо ущербное и неполное образование, существенно сузить их умственный кругозор.

Именно в силу угрозы физического перерыва традиции полноценного классического образования в нашей стране мы и хотели создать школу не только с сильной математикой или с хорошим преподаванием современных языков, но и с древними языками, а также с Законом Божиим.

— Вы сказали, что в свое время атеистическая идеология наделила понятие «светское образование» конкретно антирелигиозным, антицерковным содержанием. Но современные сторонники «светскости» могут вам возразить: мы и не за атеизм, и не за религию, мы за по-настоящему мировоззренчески нейтральную светскость...

— Это ничего ровным счетом не меняет. Если мы хотим всерьез рассуждать об образовании, то должны обратиться к традиции, в рамках которой оно сложилось. Кажется, я говорил об этом уже бесконечное количество раз, но скажу еще раз: мы должны ясно и отчетливо понимать, что наша образовательная система сложилась в рамках европейской цивилиза-

ции — хотим мы этого или нет. Это факт. И то, что в итоге именно европейская цивилизация единственная стала планетарной, случилось вследствие двух факторов: европейского образования, которое всегда включало в себя работу в религиозном поле, и европейской науки.

— **А европейское образование как модель как и когда появляется?**

— В античности. Первый образовательный институт — пифагорейская школа* — складывается уже в VI веке до Р. Х. И разумеется, этот институт не предполагал теперешнего обывательского представления о светском образовании как о принципиально лишенном религиозного компонента. Напротив, это движение возникло как реакция на безоглядный ионийский рационализм, проявлявшийся, в частности, в отказе от традиционных авторитетов. Тем европейцы и оказались сильны, что они не только поняли важность обеих этих сфер для человеческого развития, но и умели их соединять друг с другом.

Древние греки еще тогда осознали, что математика и физика работают с одним видом действительности, этика и политика — с другим, религия — с третьим, но только все три вида в совокупности позволяют охватить и понять действительность в целом: а именно, наряду со сферой рациональной и социальной есть еще один вид реальности, который не открывается рассудку, не сводится к этическим максимам, а постигается только верой, религиозным чувством.

* Пифагорейцы — политическое, научное и религиозно-философское движение в Южной Италии, оказавшее большое влияние на всю последующую греческую культуру. — Ред.

Созданная пифагорейцами модель школы была впоследствии воспринята софистами^{**}. Будучи релятивистами, софисты в каком-то смысле могут считаться атеистами, а их установки — противоположными пифагорейским. Однако, что может показаться удивительным, но на самом деле закономерно, в рамках своих школ софисты начинают формировать определенный круг знаний, в который, помимо всего прочего, включаются и сакральные, мифологические тексты и темы. Так и для софистов религиозные представления оказывались важными для полноценного формирования человека.

Платон, который во многом не соглашался с софистами и спорил с ними, тем не менее продолжал работать в рамках этой же образовательной модели и создал школу, предполагающую формирование универсально образованного человека. При этом он ясно и последовательно определил границы научного познания. Любая рациональная наука, согласно философу, строится на принципе «если, то»; вне этой этой логики, которую мы называем гипотетико-дедуктивным методом, наука не работает — да ей, собственно, это и не нужно. Но Платон образно описывает также некую науку, которую он называет диалектикой: эта наука имеет дело с действительностью как таковой без всяких «если, то»; кроме того, для выражения своих важнейших положений, в частности учения о первичности и бессмертии души и ума, которые предшествуют всему телесному, Платон неизменно прибегает к мифу.

Следующий шаг делает ученик Платона — Аристотель. Он создает целую систему дисциплин, которые мы вместе с ним по сей день называем логикой, этикой, политикой, риторикой, психологией, физикой, биологией, и так далее. Венчает же эту систему первая философия, или теология, то есть наука, которую Аристотель считал наивысшим, «божественным» знанием. Только первая философия, или теология, утверждал он, преодолевает чувственные и рассудочные ограничения всех низших наук, и мы получаем возможность созерцать Ум, Перводвигатель, Бога, который как высшее Благо является предметом всеобщего стремления.

Такова в очень сжатом, упрощенном и схематическом виде история возникновения европейской образовательной системы, ориентированной на формирование у человека единой и целостной картины мира.

И нужно сказать, что мы в нашей гимназии стараемся не отступать от этого принципа и стремимся предложить ученику полноценную картину мира. И родителей, которые хотят отдать нам своих детей, мы предупреждаем, что наша школа — православная. Дети, которые у нас учатся, с первого по одиннадцатый класс обязательно изучают Закон Божий, церковное пение и элементы литургии — все это неотъемлемая часть нашей образовательной программы — и участвуют в службах в нашем домовом гимназическом храме. Мы

считаем, что современный человек, если он хочет быть культурным, полноценно образованным, не должен шарахаться при словах «Церковь», «Пасха», «Причастие».

Отсутствие понимания того, что такое религиозный мир, неизбежно оборачивается дикостью и варварством. Поэтому, возвращаясь к Вашему вопросу, говорить о «мировоззренческой нейтральности» — значит лишь расписываться в своем стремлении сознательно дать детям заведомо ущербное и неполное образование, существенно сузить их умственный кругозор.

Нейтральность образования — это фикция

— Но если, как Вы говорите, образовательная система без религиозной составляющей не может быть не только общеобразовательной, но и действительно полноценной, и это хорошо понимали еще в античности, то почему впоследствии это перестало быть очевидным?

— Прежде всего нужно сказать, что преимущества полноценного образования никогда не переставали быть очевидными для разумных людей, но были эпохи, когда в образовании доминировала та или иная частность, в том числе развивались атеистические тенденции.

Мне кажется, что эти тенденции иной раз можно объяснить психологически. Во все времена, когда человеку открывалось некое новое знание об этом мире, его охватывал удивительный по своей силе порыв, какая-то экстазическая увлеченность. Софистам, например, впервые открылась стихия языка, могущество искусно построенной речи, и это открытие было невероятно увлекательным. Софистов бранили: они в своих рассуждениях доходили до того, что правда у них оборачивалась ложью и наоборот. Но их никакими средствами нельзя было удержать от погружения в стихию языка: они впервые открыли ее для себя (и, добавим, для всего европейского человечества) и упивались ею; они поняли, что при помощи определенных рассуждений можно одно и то же положение и доказать, и опровергнуть, открыть глаза и ввести в заблуждение и так далее. То же увлечение рассудочной стихией, связанное с великими достижениями науки XVII–XVIII века, сопутствовало и эпохе Просвещения, которая, как известно, породила взрыв атеистических или квазиатеистических настроений.

Когда в науке происходит некий прорыв и человеку открываются совершенно новые грани реальности, это неизбежно провоцирует умственное движение такой силы, что, кажется, сделай еще несколько шагов, и весь мир предстанет перед нами как на ладони, и все в нем станет понятно. В такие триумфальные для человеческого разума моменты у иных ограниченных натур и возникает внутренняя потребность нейтрализовать ➡

^{**} Буквально — «знатоками», «специалистами»: так называли платных преподавателей красноречия и различных знаний, считавшихся необходимыми для участия в гражданской жизни в Древней Греции. — Ред.

религию, вытеснить ее на обочину, хотя она нисколько не мешала, например, Ньютону или Ломоносову.

Я в этом смысле люблю приводить в пример Всемирную выставку 1900 года в Париже. Это было завершение и торжество XIX века — все новейшие технологии были представлены на этой выставке, сиял Дворец Электричества, людей несли движущиеся тротуары, и все это снимали неутомимые братья Люмьер. И казалось, что осталось еще чуть-чуть: кое-что доработать и распределить эти достижения по всей планете — и человечество достигнет своего совершенства. А человечество между тем шло к Первой мировой войне...

Та же иллюзия была, кстати сказать, и в математике, и в физике: в том же 1900 году на математическом конгрессе в Париже великий Гильберт сумел охватить все здание математики и указал, какие важнейшие проблемы ей остается решить; а в физике оставалось совсем чуть-чуть доработать теорию эфира... А потом наступил 1905 год, Эйнштейн опубликовал статью «К электродинамике движущихся тел» — возникла специальная теория относительности, теория эфира потеряла актуальность, и физика столкнулась с кардинально новыми проблемами. Но при этом ни иллюзия благополучия, ни кризисное состояние науки не отменяют веру в Бога.

Так было и так будет всегда: наука развивается скачкообразно, и на пике очередного взлета всегда кому-то будет казаться, что достаточно одного только рационального взгляда на мир, так что о религии теперь, наконец, можно забыть. Но потом происходит новый кризис, вопросов вновь оказывается больше, чем имеющихся ответов, так что очередные всплески рационализма — повод скорректировать учебники по тем или иным научным дисциплинам, но никак не повод исключать из полноценной образовательной программы религиозные дисциплины.

Стерильность или, как Вы говорите, нейтральность образования — это фикция, которая возникает, когда увлеченность определенными рассудочными построениями приводит к тому, что мы перестаем видеть целое. При всем безусловном величии научного знания нам нельзя забывать о тех границах науки и ее гипотетико-дедуктивного метода, которые видел еще Платон.

Обыватели, кстати сказать, нередко думают, что в науке существует правильные и неправильные теории, и неправильные, устаревшие теории сменяются новыми, правильными. Но это верно далеко не всегда, и все не так просто. В определенных ситуациях по-прежнему удобнее брать в качестве точки отсчета Землю, а не Солнце. Эвклидово «если, то» не отменяется геометрией Лобачевского, так же, как и «если, то» Ньютона не было просто отменено теорией Эйнштейна. Но находятся такие аспекты реальности, где имеющаяся научная теория не работает. Например, теория тяготения Ньютона не объясняет смещение перигелия Меркурия, но при этом сама по себе его теория никуда не исчезает и не отбрасывается как нечто «устаревшее». Нет, в рамках своей сферы она продолжает приме-

няться и сохраняет свое значение как прекрасная рациональная конструкция.

Однако тотально всю действительность, созданную Богом, просто невозможно охватить никакой научной моделью: реальность бесконечно шире и бесконечно больше всего того, чем мы могли бы ее помыслить, она богаче любой рассудочной схемы, которую мы могли бы на этот мир «набросить».

— Но ведь можно вспомнить расхожее утверждение, что с появлением христианства начался упадок античного интеллектуализма, что как только религия вторглась в научно-философскую сферу, тут же начался регресс, да еще и такой, что потребовалось много веков, чтобы Европа вернула себе утраченное наследие античности.

— Это не так. Никакого регресса, связанного специально с появлением христианства, не было, как не было какого-то специально римского регресса, связанного, например, с убийством римлянами Архимеда. Наоборот, благодаря христианству греко-римское наследие дошло до наших дней. Если бы христиане не обладали в то время такой невероятной мощью и волей к тому, чтобы сохранить самое драгоценное из предшествующей культуры, у нас бы сегодня ничего не было, и не было бы нас самих. Всеми достижениями греко-римской цивилизации мы обладаем ровно постольку, поскольку христиане добровольно взяли на себя этот подвиг несения ее бремени. В христианских школах внимательно штудировали Платона и Аристотеля. Мы видим, с каким тщанием христианские богословы изучали неоплатонизм. Более того, между языческими и христианскими философами был очень напряженный и плодотворный диалог. Они были открыты друг для друга.

Например, в школе знаменитого языческого мыслителя Прокла учился неизвестный нам автор корпуса богословских текстов, т. н. «Ареопагитик», который оказал огромное влияние на интеллектуальный климат всей последующей Европы. А сам Прокл при этом написал единственный в своем роде текст — «Платоновскую теологию». Весь этот труд построен на понимании корпуса платоновских текстов как единого богооткровенного текста: языческий философ Прокл относится к тексту Платона, как христианин относится к Священному Писанию. Такой подход к наследию Платона был абсолютно революционным для языческого платонизма, ничего подобного мы не встречаем во всей предыдущей античной традиции. Что это, если не прямое влияние христианства?

Мы перестали понимать действительность, перестали что-либо ценить по-настоящему

— Какой же в таком случае мировоззренческий базис дает современная российская школа?

— Не знаю. Я его не вижу в нашей школьной системе, причем не в последнюю очередь

Когда в науке происходит
некий прорыв, это неизбежно
провоцирует умственное
движение такой силы, что,
кажется, и весь мир скоро
предстанет перед нами как
на ладони. В такие моменты
у иных натур и возникает
потребность нейтрализовать
религию, вытеснить ее
на обочину, хотя она нисколько
не мешала, например, Ньютону
или Ломоносову.

это объясняется тем, что именно системы-то и нет. Все последние 20 с лишним лет мы просто хватались за первое попавшееся, совершенно не отдавая себе отчета в том, что это такое и зачем нам это нужно. На мой взгляд, такая растерянность и дезориентированность в образовании — во многом наследие советской системы, результат того цинич-

ного взгляда на мир, который формировался на закате коммунистического режима и столь свойствен сегодняшнему человеку.

Представьте: целому поколению говорили, что с обществом и государством у нас все хорошо, что мы правильно развиваемся в нужном направлении, построили социализм, строим коммунизм, постоянно догоняем и перегоняем Америку, а потом вдруг сразу оказалось, что это совсем не так. Тогда очень и очень многие утратили доверие к чему бы то ни было. А там, где доверия нет, начинается цинизм. Мы перестали понимать действительность, в том числе собственную историю, перестали что-либо ценить по-настоящему, в том числе то, что было у нас действительно драгоценного, и требовало сохранения и развития. Я имею в виду нашу образовательную систему, центральное звено которой — классическая гимназия. ➔

.....реклама.....

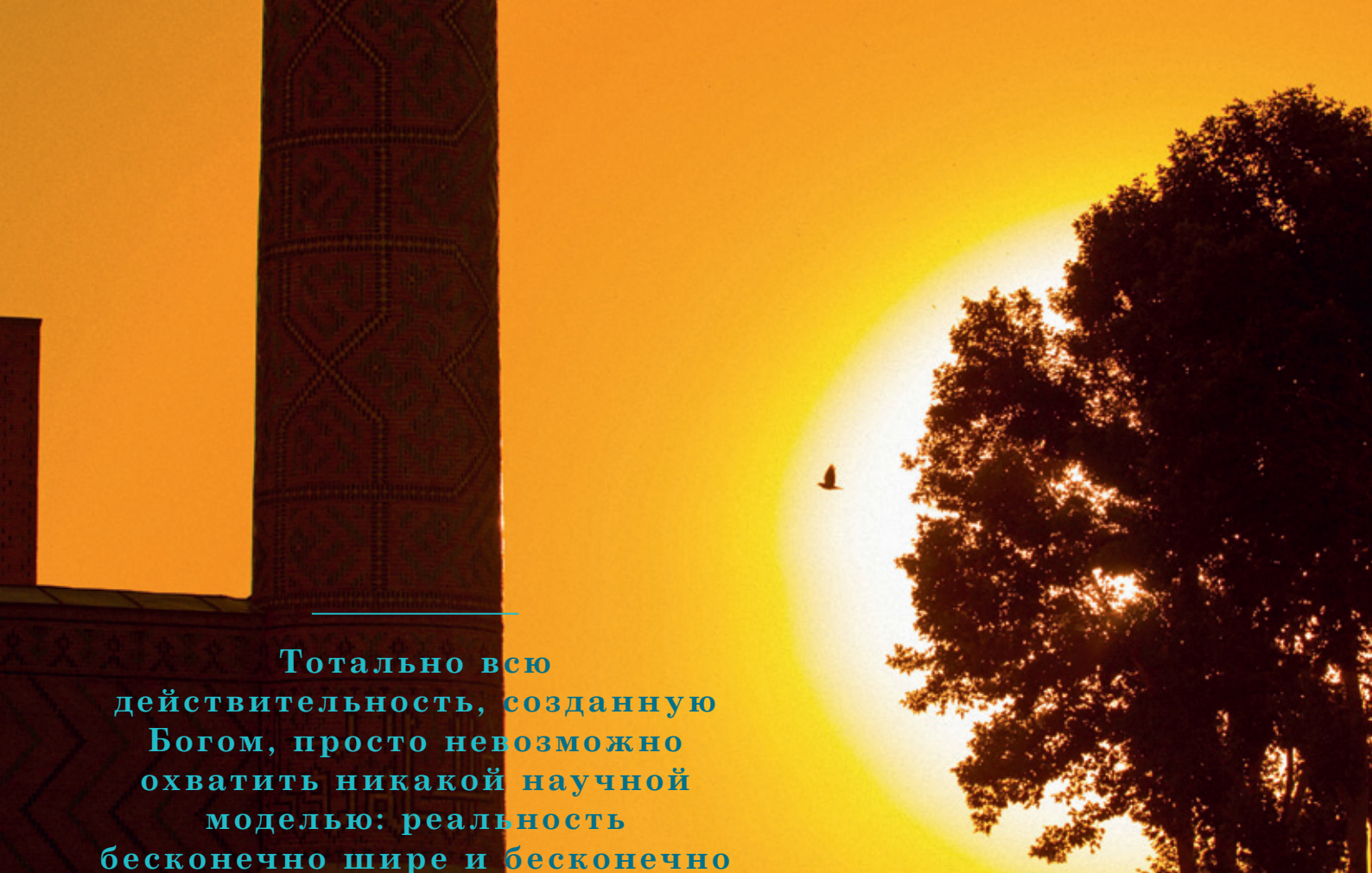

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
«ГРЕЧЕСКАЯ ОЛИВА»

Доставка греческих
продуктов

- Феодосийская, 2
- Новослободская, 20
- (495) 540-47-17 • www.greekoliva.ru

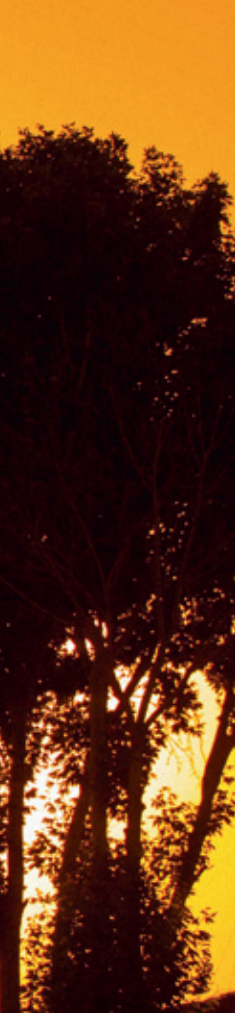
**Тотально всю
действительность, созданную
Богом, просто невозможно
охватить никакой научной
моделью: реальность
бесконечно шире и бесконечно
больше всего того, чем мы
могли бы ее помыслить, она
богаче любой рассудочной
схемы, которую мы могли бы
на этот мир «набросить».**

Сегодняшняя школа в первую очередь должна воспитывать в человеке уважение к достижениям мировой культуры и европейской цивилизации, которую мы же сами и представляем. Нам необходимо преодолеть цинизм, воспитать детей в уважении к действительно ценным достижениям человеческого духа. Это бесконечно важно, потому что без этого нет ни общества, ни подлинной нации. Это и есть настоящая патриотическая задача, которая стоит перед нами.

В связи с этим хочу обратить внимание на то, что произошло в США во второй половине XX века. После Второй мировой войны Америка, как известно, осознала себя мировым лидером и стала им, на многие годы заняла главенствующую позицию в геополитическом пространстве. Конечно, последствия этого доминирования порой были просто катастрофическими. Однако именно в этот период в США появляется около ста центров классической филологии. Американцами были обеспечены невероятные, просто фантастические условия для работы европейских филологов-классиков и византистов. В стране началась очень важная деятельность в том числе благотворительных фондов, которая весьма

цивилизовала американцев и результаты которой, как мне кажется, значительно усилили американское общество, укрепили тот интеллектуальный фундамент, благодаря которому Америка стала одним из самых развитых образовательных центров мира. Но так было и во всех странах, которые прежде лидировали в Европе и с определенного момента начинали развивать классическое образование, — в Италии, Франции, Нидерландах, Англии, Германии, России, так что Америка в свой черед только продолжила эту тенденцию.

На волне этого возросшего интереса к классическим текстам американцы при поддержке европейских филологов-классиков делают великий вклад в дело хранения большей части греческих текстов от Гомера до XVI века путем переноса их на электронные носители. Сын одного из пионеров новой компьютерной техники и электронных технологий знаменитого Дэвида Паккарда Дэвид Вудли Паккард стоял у истоков создания собрания текстов, которое получило название *Thesaurus Linguae Graecae* («Сокровищница греческого языка»). Именно младший Паккард создал *Ibucus system*, где были собраны греческие тексты и создана система поиска. Эта разработка легла в основу Тезауруса на диске, вышедшем в середине 1980-х, причем это был первый диск, не содержащий музыки, но содержащий греческие классические и поздние тексты общим объемом 27 000 000 слов. Теперь Тезаурус существует в онлайн-версии, и это незаменимый инструмент для всякой серьезной работы с греческими авторами. Так область древнегреческого языка стала одной

из первых областей гуманитарного знания, наиболее развитых в Интернете.

Поэтому, если речь идет об американцах, я уверен, что именно этот их опыт и нужно учитывать, а не перенимать бездумно отдельные специфически американские способы организации учебного процесса, программы или методики: нам в принципе не нужно догонять и перегонять Америку, но необходимо на современном этапе возродить в России классическое образование, подлинный фундамент, скрепу всей образовательной системы любой цивилизованной страны.

В нашей стране, с той принципиальной потерянностью, с которой мы сплошь и рядом сталкиваемся в области образования, этот фундамент просто необходим. Без него мы так и будем барахтаться в мутной воде непонимания, слепо хватаясь за все, что кажется привлекательным дурно образованному человеку, лишенному воли и умения обрести высокие интеллектуальные, нравственные и духовные ориентиры.

— Хотелось бы уточнить: тот фундамент, который сложился в США благодаря развитию классической филологии, — почему он кажется Вам настолько важным? И почему именно через классическую филологию Вы видите путь к возрождению образования в России?

— Я не случайно говорил о том, что появление классической филологии и развитие классических школ (без которых, заметим, классическая филология на девять десятых утрачивает свой смысл) всегда было приметой страны-лидера в период ее подъема, так что Америка здесь не исключение. Почему это так, почему именно состояние классической филологии и классического образования служит своего рода лакмусовой бумажкой развитости той или иной страны? Да потому, что без владения греческим и латынью мы не в состоянии самостоятельно охватить и учесть опыт европейской цивилизации во всех ее проявлениях, то есть в области социальной, политической и военной истории, в области науки, философии, художественного творчества, и пр. Классическая филология занимается литературными, богословскими, философскими и научными текстами и как таковая обслуживает классическое образование. В нашем случае это классические гимназии, то есть средние общеобразовательные школы, дающие тот самый широкий кругозор, о котором мы все время говорим.

Мы уже ясно показали миру, что мы сторонники и защитники традиционных европейских ценностей, традиционного брака и семьи, которые сейчас подчеркнуто попираются на Западе, традиционных европейских свобод, в том числе свободы слова. И теперь мы должны показать, что мы и в области образования хотим двигаться в основном русле европейской цивилизации, внутри которой мы появились как христианское государство и были соответствующим образом воспитаны.

Сейчас нам очень важно осознать, что европейская цивилизация, к которой мы при-

надлежим, ни в каком смысле не сводится к современной западной цивилизации, и если мы будем ясно это понимать, мы перестанем мыслить западноевропейскими штампами, о которых мы часто даже не подозреваем, потому что, увы, мы привыкли безоглядно доверять Западу. Мы, в частности, продолжаем воспринимать нашу историю по западной схеме «Античность — Средние века — Новое время», говорим об эпохе Возрождения в России и так далее — впрочем, это уже тема другого разговора...

Что же касается того вопроса, который Вы поставили, то не классическая филология сама по себе, а возрождение в России на новом этапе сети классических гимназий как скрепы нашей системы образования позволит нам воспитать россиян с действительно широким кругозором и умением самостоятельно мыслить, и в силу этого — уверенно чувствовать себя в современном многополярном мире. Еще раз повторю: именно это я считаю сегодня нашей главной патриотической задачей. Но при этом нельзя не добавить, никто не может заставить нас взяться за решение этой задачи, если мы сами не осознаем ее как нашу глубокую внутреннюю потребность и приоритет в области образования.

— Каким же должен быть учитель, чтобы дать школьнику такое целостное видение мира? И кого бы Вы могли назвать главными учителями в своей жизни?

— Я бы не взялся рисовать портрет такого учителя. Определенные эпохи порождают свой тип педагога. Поэтому мы должны внимательно следить за тем, что происходит, разыскивать лучшие примеры таких учителей и держаться их, а не конструировать в своей голове или во всевозможных ведомственных бумагах некоего идеального, соответствующего всем придуманным нами опциям учителя.

Что же касается меня, то у меня было три важнейших для меня учителя в разных областях моей деятельности.

В первую очередь, огромную роль в самом выборе основной темы моих научных занятий — Платона и позднего платонизма — сыграл Алексей Федорович Лосев. Самое поразительное в его занятиях платонизмом — это их невероятный размах, стремление охватить всю эту традицию в целом, в течение всех двадцати четырех веков ее существования. При этом больше всего меня всегда поражала та энтузиастическая преданность, с которой Алексей Федорович относился к Платону, платоникам и неоплатоникам. Но в этом не было сектантской ограниченности, и именно широта его взгляда и эрудиция производили неизгладимое впечатление. Его кабинет и библиотека вмещали в себя все достояние европейской цивилизации в области философии и классической филологии. Окончивший с золотой медалью классическую гимназию в Новочеркасске, Лосев был удивительным представителем того типа универсально образованного человека и ученого, с каким сегодня, увы, едва ли встретишься. Его ➡

жизнь в тяжелейший период нашей истории — это настоящий подвиг верности своему научному призванию.

Сергей Васильевич Шервинский, выпускник Поливановской гимназии, — мой учитель в искусстве перевода и стихосложения. Сергей Васильевич обладал невероятным кругозором в области всей европейской литературы. Достаточно сказать, что он перевел все трагедии Софокла, всего Катулла, «Буколики» и «Георгики» Вергилия, «Метаморфозы» Овидия, огромное количество других античных, восточных, возрожденческих и новоевропейских авторов, блестяще знал всю западноевропейскую поэзию, хранил в памяти огромное количество поэтических текстов на разных языках, при этом занимался сценической речью, вел занятия по произношению на итальянском, французском, русском языках. Вместе с Сергеем Васильевичем мы переводили несколько поэтических текстов, он был редактором моего перевода «Фиваиды» Стация, и годы работы с ним для меня незабываемы.

И наконец, еще один очень важный для меня человек — французский филолог и философ Пьер Адо. Он был глубоким и тонким ученым, мыслителем, который жил и дышал европейской культурой, особенное внимание уделяя идее духовного упражнения. Я многому научился у него — в частности, в ходе изучения и перевода текстов Плотина^{***}. Одна из первых книг, выпущенных Греко-латинским кабинетом, — перевод книги Пьера Адо «Плотин, или Простота взгляда» с предисловием автора. Но Пьер был не только образцовым ученым, но и удивительным человеком и верным другом. Он умер в 2010 году, и мы до сих поддерживаем общение с его вдовой.

Не обязательно быть язычником, чтобы читать и понимать Аристотеля

— Если все-таки попытаться обобщить, то куда же должна двигаться современная школа? И существует ли какое-то особое христианское видение того, что такое образование и что это образование должно давать человеку?

— Я не думаю, что стоит сейчас обсуждать какие-то возможные траектории для развития нашей школы. Все, что было нужно для понимания моего взгляда на этот вопрос, я уже сказал.

Что же касается христианского видения образования, то, конечно, оно существует, и святые Церкви не только сформулировали для нас это видение, но и показали его в своей собственной жизни. Например, святой Иустин мученик, Философ, знаменитый апологет

христианства, который никогда не снимал философского плаща^{****}, прекрасно знал греческую философию, в частности платонизм, но предпочел ему истинную философию, христианство, хотя Платон и оставался для него литературным образцом.

Святитель Василий Великий получил идеальное образование. «Корабль, груженный ученостью» — с восхищением говорил о нем его друг, святитель Григорий Богослов. Святитель Василий прекрасно знал философию, риторику, медицину, биологию. И от этого образования святой, став епископом, не отказался, а, наоборот, — постоянно им пользовался и приумножал его. Это видно в его текстах, письмах, проповедях.

Столь же прекрасно образованным человеком был и святитель Григорий Богослов. Платоновские тексты повсюду вкраплены в его сочинения — он был тончайшим мыслителем и при этом прекрасно владел поэтическим искусством греков. Недаром Златоустом называли святителя Иоанна, архиепископа Константинопольского. И подобные примеры учености среди святых можно приводить и дальше: из тех, кто прославлен недавно, вспомним святителя Филарета, митрополита Московского, святителя Иннокентия, митрополита Московского, которого называют апостолом Сибири и Америки, святителя Луку (Войно-Ясенецкого). Но что это означает для нас?

В первую очередь то, что христианин не должен чураться так называемых «светских» наук. Наоборот, он призван, насколько это в его силах, совершенствоваться в них, постигать ту мудрость, которая в них сокрыта. Совсем не обязательно быть язычником, чтобы читать и понимать тексты Аристотеля, как их знал и использовал в своих творениях святитель Василий Великий. У христиан того времени была твердая уверенность: самые чуткие и мудрые души всегда восприимчивы к тому, что открывает им Бог. Подлинное познание мира всегда происходит вместе с Богом, Он дает человеку верные ориентиры, направляет его ум в нужную сторону.

Поэтому можно сказать, что образ ученых святых — это и есть концепция христианского образования. Но, как говорил митрополит Сурожский Антоний, «пока ты не святой, будь образованным». Святые побуждают нас к этому, и нам необходимо учиться у них стремлению к мудрости, к подлинной образованности. И мы в нашей гимназии стремимся ответственно относиться к тому, что наш домовый гимназический храм освящен во имя Трех святителей, великих и вселенских учителей, Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. ✠.

Беседовал Тихон Сысоев

*** Плотин — греческий философ-платоник, 205–270 по Р.Х. — Ред.

**** Его обычно называли «аболлой» — это род мантии без рукавов с застёжкой на плече, которые часто носили философы. — Ред.